

ЗИНАИДА ГИППИУС

У ПОРОГА
(СБОРНИК)

Зинаида Николаевна Гиппиус У порога (сборник)

Аннотация

«На сердце непонятная тревога,
Предчувствий непонятных бред.
Гляжу вперед – и так темна дорога,
Что, может быть, совсем дороги нет...»

Содержание

У порога	4
Отрывочное	5
А потом...?	6
Не будем как солнце	9
Не сказано	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Зинаида Гиппиус

У порога (сборник)

У порога

На сердце непонятная тревога,
Предчувствий непонятных бред.
Гляжу вперед – и так темна дорога,
Что, может быть, совсем дороги нет.

Но словом прикоснуться не умею
К живущему во мне – и в тишине.
Я даже чувствовать его не смею:
Оно как сон. Оно как сон во сне.

О, непонятная моя тревога!
Она томительней день ото дня.
И знаю: скорбь, что ныне у порога,
Вся эта скорбь – не только для меня!

1913

С.-Петербург

Отрывочное

Красная лампа горит на столе,
А вокруг, везде – стены тьмы.
Я не хочу жить на земле,
Если нельзя уйти из тюрьмы.

Красная лампа на круглом столе.
Никто не хочет тьму пройти.
А если весь мир лежит во зле –
То надо мир спасти.

Красная лампа на круглом столе –
Сердце твердит: не то! не то!
Сердце горит – и гаснет во мгле:
Навстречу ему нейдет никто.

Лето 1905

СПБ

А ПОТОМ...?

Ангелы со мной не говорят.
Любят осиянные селенья,
Кротость любят и печать смиренья.
Я же не смиренен и не свят:

Ангелы со мной не говорят.

Темненький приходит дух земли.
Лакомый и большеглазый, скромный.
Что ж такое, что малютка – темный?
Сами мы не далеко ушли...

Робко приползает дух земли.

Спрашиваю я про смертный час.
Мой младенец, хоть и скромненький, – вещий.
Знает многое про эти вещи,
Что, скажи-ка, слышал ты о нас?

Что это такое – смертный час?

Темный ест усердно леденец.
Шепчет весело: «И все ведь жили.
Смертный час пришел – и раздавили.

Взяли, раздавили – и конец.

Дай-ка мне четвертый леденец.

Ты рожден дорожным червяком.
На дорожке долго не оставят,
Ползай, ползай, а потом раздавят.
Каждый, в смертный час, под сапогом,

Лопнет на дорожке червяком.

Разные бывают сапоги.
Давят, впрочем, все они похоже,
И с тобою, милый, будет то же,
Чьей-нибудь отведаешь ноги...

Разные на свете сапоги.

Камень, нож иль пуля, всё – сапог.
Кровью ль сердце хрупкое зальется,
Болью ли дыхание сожмется,
Петлей ли раздавит позвонок –

Иль не всё равно, какой сапог?»

Тихо понял я про смертный час.
Я ласкаю гостя, как родного,
Угощаю и пытаю снова:
Вижу, много знаете о нас!

Понял, понял я про смертный час.

Но когда раздавят – что потом?

Что, скажи? Возьми еще леденчик,

Кушай, кушай, мертвенький младенчик!

Нё взял он. И поглядел бочком:

«Лучше не скажу я, что – потом».

Январь 1911

Кани

Не будем как солнце

Ропишину

О нет. Не в падающий час закатный,
Когда, бледнея, стынут цветы дня,
Я жду прозрений силы благодатной.

Восток – в сияньи крови и огня:
Горело, рдело алое кадило,
Предвестный ветер веял на меня,

И я глядел, как медленно всходило,
Багряной винностью окроплено,
Жестокое и жалкое светило.

Во славе, в пышности своей, оно,
Державное Величество природы,
Средь голубых пустынь – всегда одно;

Влекутся соблазненные народы
И каждому завидуют лучу.
Безумные! Во власти – нет свободы,

Я солнечной пустыни не хочу, –
В ней рабье одиночество таится, –

А ты – свою посмей зажечь свечу,

Посмей роптать, но в ропоте молиться,
Огонь земной свечи хранить, нести,
И, покоряя, – вольно покориться.

Умей быть верным верному пути,
Умей склоняться у святых подножий,
Свободно жизнь свободную пройти

И слушать... И услышать голос Божий.

Январь 1911

Кани

Не сказано

Тебя проведу я, никем не замеченного...

Со мной ключи.

Я ждал на пороге молчанием встреченного...

И ты молчи.

Пусть сердце угрюмое, всеми оставленное,

Со мной молчит.

Я знаю, какое сомненье расплавленное

В тебе горит.

Законы Господние дерзко пытающему

Один ответ:

Черту заповеданную преступающему –

Возврата нет.

Но вот уж не друг и не раб тебе преданный я

Сообщник твой.

Придя – перешел ты черты заповеданные,

И я с тобой.

В углу, над лампадою, Око сияющее

Глядит, грозя.

Ужель там одно, никогда не прощающее,

Одно – нельзя?

Нельзя: ведь душа, неисцельно потерянная,

Умрет в крови.

И... надо! твердит глубина неизмеренная

Моей Любви.

Пришел ты с отчаяньем – и с упованиями.

Тебя я ждал.

Мы оба овиты живыми молчаниями,

И сумрак ал.

В измене обету, никем не развязанному,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.